

И.В. Переятенец

Моё открытие чеченского мира

И. В. Переятенец

Моё открытие чеченского мира

«Издательские решения»

Переятец И. В.

Моё открытие чеченского мира / И. В. Переятец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902599-9

Книга «Мое открытие чеченского мира» петербургского искусствоведа Переятеца И. В. — это сборник статей, посвященных культуре и истории Чеченской Республики, а также очерков, написанных на основе личных впечатлений, полученных им во время жизни в Грозном, где автору довелось работать в газете «Вести республики».

ISBN 978-5-44-902599-9

© Переятец И. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Начало	6
Глава вторая. Знакомство. Первые публикации	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Моё открытие чеченского мира

И. В. Переятец

Корректор Алена Зуева

© И. В. Переятец, 2018

ISBN 978-5-4490-2599-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Начало

Чечня для многих моих соотечественников стала неким символом нашей непростой истории девяностых годов. Для меня, выросшего в эти годы, она была неотделима от обыденной жизни. Я учился еще в начальной школе, но хорошо помню, как по многим каналам телевидения показывали репортажи о событиях в этом регионе. Поскольку основные репортажи снимались про боевые действия двух военных кампаний, то образ складывался в моем сознании довольно определенный. Хорошо помню события в Буденновске и Первомайском в 1995 году.

Тогда же известный в России журналист Александр Невзоров снял свою версию того, что происходило в Грозном. И это был не просто репортаж о войне, но целый документально-художественный фильм под названием «Чистилище», в котором рассказывалось о жутких деталях происходящего в столице Чеченской Республики. Эти события чеченских войн очень сильно повлияли на нашу страну и на представление людей о чеченцах. Много говорилось в средствах массовой информации и о том, что Северный Кавказ – это преступный мир. И неудивительно, что для меня самого не существовало иного восприятия.

Но дальнейшая моя жизнь сложилась таким образом, что я стал изучать историю и культуру чеченского народа, выучил язык, занимался литературными переводами, стал сначала внештатным корреспондентом газеты «Вести республики», а затем довелось поработать и в самой редакции в городе Грозном. Я приехал туда весной 2010 года и жил почти год. И хотя все мы хорошо выучили когда-то строчки о том, что «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии», здесь, на месте, страшная область на карте из моего детства под названием Чечня выглядела по-другому.

С тех пор прошло два года, многое изменилось в моей жизни. Но этот год остался одним из самых ярких и интересных воспоминаний. О том, как я, молодой человек, выросший в 90-е под аккомпанемент пушек и пулеметных очередей двух чеченских кампаний, открыл для себя особенный чеченский мир эта книга.

Интерес к чеченской тематике у меня начался еще в раннем детстве. Да и вспоминая историю прошедших двадцати лет, понимаешь, что этой темой невозможно было не заинтересоваться, слишком уж острая и больная она была. Первые осознанные воспоминания относятся к 1994 году. Я тогда отдыхал в городе Воронеже у бабушки. Мне было девять лет, когда среди игр со сверстниками и привычной летней суеты я выделил для себя одну из новостей. Это был парад вооруженных сил чеченской армии. Маленький черно-белый телевизор, стоявший на кухне, показывал колонны каких-то странных, несоветских военных – и впереди всей колонны генерал Дудаев. Корреспонденты «Первого канала» снимали это в июле месяце и передали информацию о том, что Джохар Дудаев стал лидером Ичкерии, так теперь стали называть эту республику, и Чечня стремится к независимости от России. И о том, что армия Джохара Дудаева самая большая и самая сильная на Северном Кавказе, а чеченцы боеспособные воины...

Я в то время перешел в третий класс и, услышав слово «чеченцы», стал задумываться о том, какие они. Потом из Воронежа я с мамой отправился на поезде в Москву. Там, чтобы попасть на поезд Москва – Красноярск, нужно было сделать пересадку с Павелецкого вокзала на Казанский, где за моей спиной были слышны разговоры о том, что в Грозном идет война. Один мужчина в куртке говорил: «Вот чеченцы взбесились, с ума сошли. Воюют, режут людей, стреляют да по горам бегают». А кто-то говорил: «Там такое творится, что страшно смотреть».

И вскоре эта тема разрослась, заполонив собой все телеканалы, стала главной среди других новостей. Конечно, было прежде всего интересно знать, а что же это за народ такой – чеченцы. Ведь там, у нас дома, в Красноярске, где я тогда жил, вокруг были сибиряки независимо от национальности. Но уже в детстве были знакомы народы Востока: таджики, узбеки,

афганцы. В Красноярске на центральном рынке в 1992 году летом я увидел людей с загорелыми лицами, говорящих на незнакомом языке. Эти люди в восточных халатах сразу же показались какими-то другими, не такими, как мы, русские. Одеты странно, на голове тибетейки. Мне было интересно, и я спрашивал, почему они не такие, как мы. А взрослые отвечали: «Они просто другие, живут в Средней Азии, там климат другой, другие обычаи, другая религия». И теперь взрослые рассказывали, что чеченцы – это кавказский народ, живущий на Северном Кавказе. Видеть такое разнообразие мира мне было интересно.

Учась в школе, я узнавал все больше и больше нового об истории моей страны, о войнах на Северном Кавказе, о народах, живущих там, из учебников истории, из произведений русской литературы: стихах М. Ю. Лермонтова, прозе Л. Толстого. Образы доблестных и храбрых воинов, одетых в папахи и черкески, как-то не совсем совпадали с тем, что почти каждый день теперь показывали в телерепортажах о войне в Чечне. Можно сказать, что я вырос под рассказы журналистов о первой и второй чеченской кампании. Более того, она прошла по живому – по моему поколению. Некоторые из моих одноклассников, что после школы пошли служить в армию, погибли на этой войне.

Для меня же изучение истории, культуры и обычаев чеченского народа стало частью моей профессии и жизни. И хотя мне не пришлось служить в армии и тем более воевать на Кавказе, но я почти год прожил в городе Грозном, работая журналистом газеты «Вести республики», и это было интересное, насыщенное время, воспоминания о котором мне очень дороги. О том, как я открыл для себя этот чеченский мир, интересный и своеобразный, об истории, культуре народа эта книга. И конечно, о тех людях, с которыми меня свела судьба.

В 2003 году я закончил школу. К этому моменту мне уже было ясно, что мои интересы лежат в гуманитарной области. Книги по истории нашей страны, истории Востока были самыми любимыми и интересными. Была выбрана Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, больше известная как Училище имени В. И. Мухомовой, а еще проще «Муха». Правда, с тех пор там многое изменилось, в том числе появилось искусствоведческое отделение на факультете декоративно-прикладного искусства, которому я благодарен за очень хорошую базовую гуманитарную подготовку не только по истории искусства, но и по истории вообще, культурологии и литературе. Да и сам город предоставил большие возможности: его улицы, музеи и, конечно же, библиотеки.

Еще на первом курсе я записался в научную библиотеку Академии художеств. Мне тогда здорово повезло: в 2003—2007 годах, пока библиотека не была закрыта на ремонт, и каждый поход туда мне давал многое. В старинных библиотечных шкафах хранится целая коллекция уникальных книжных изданий от XVII до XXI столетий, в том числе и о мусульманском искусстве, на изучении которого я сосредоточился в Академии. Эти издания, уникальный, очень удобный каталог, помощь сотрудников библиотеки помогли мне в сборе материала при написании контрольных и курсовых работ.

Санкт-Петербург – это старейшая и серьезная востоковедческая школа, почти все, кто занимался искусством Востока, учились в Институте имени И. Е. Репина – Академии художеств. В библиотеке можно было найти не только авторефераты и диссертации многих ученых, но и книги с их автографами. В советский период в институте существовал целевой набор как художников, так и искусствоведов из всех республик. Впоследствии за их творчеством следили в библиотеке и собирали статьи, издания, выставочные каталоги. Так образовалось огромное количество справочной литературы о живописи и декоративно-прикладном искусстве художников, выходцев из Северного Кавказа, в том числе Чечено-Ингушетии, написанной русскими и чеченскими исследователями.

Ну а сами произведения собраны в залах Эрмитажа и Российского этнографического музея. В фондах Эрмитажа есть коллекции декоративно-прикладного искусства, уникальная дагестанская коллекция исламского искусства. Но наиболее разнообразно культура этих наро-

дов представлена в Музее этнографии. Там наглядно можно изучить быт, обычаи и верования народов этого региона. Отчасти благодаря старинным фотографиям, размещенным в экспозиции: это город Грозный в дореволюционное время, нефтяные вышки Старопромысловского района, чеченские старейшины царской России, собрания этих почтенных стариков.

Работая над дипломной работой, посвященной архитектуре и интерьеру жилого дома в Османской империи, я для лучшего освоения начал изучать турецкий язык на курсах восточного факультета в университете. Как-то перед занятиями, просматривая книги в магазине, обратил внимание на старый учебник чеченского языка и купил его. Стал самостоятельно изучать этот язык и открыл для себя много интересного. Оказывается, учебник мне попался очень интересный.

В 1960 годы в Грозном жил Юнус Дешериевич Дешериев. Помимо своей научной деятельности в Грозном он параллельно работал в Московском государственном университете. В 1960 году в МГУ был издан учебник чеченского языка Дешериева по его авторской методике. До этого в 1920—1930 годы издавались учебные пособия и словари по 5 и 8 тысяч слов. Первый чеченско-русский словарь, состоящий из 5 тыс. слов, был издан в Грозном в 1927 году. В 1932 году чеченско-русский словарь насчитывал уже 8 тыс. слов. В 1961 году в Москве Мациевым Ахматом Гехаевичем был издан чеченско-русский словарь на 20 тыс. слов. Это было серьезное достижение в области лингвистики и в кавказоведении. В МГУ в 1958—1960 годах сформировалась кафедра по изучению языков народов Кавказа и Средней Азии. Учебные пособия были предназначены для студентов-переводчиков. Языки мусульманских союзных и автономных республик Советского Союза в то время были востребованными. Правда, профессиональное отделение кафедры, готовившее переводчиков по чеченскому и ингушскому языкам, просуществовало с 1960 по 1968 год.

Выпускников-переводчиков с чеченского языка было всего четыре человека, два – с ингушского. Их направляли работать в Грозный: кого в библиотеку, кого в НИИ чеченского и ингушского языков. Закрывание чечено-ингушского отделения было временным затишьем в этом направлении отечественной науки. В 1971—1975 годах в Грозном были изданы учебные пособия чеченских авторов Али Тимаева и Ибрагима Алироева по изучению чеченского языка. В Москве в 1978 году вышел большой русско-чеченский словарь, насчитывающий 40 тыс. слов. В МГУ вновь открылось отделение, готовившее переводчиков с чеченского языка. Интерес к изучению чеченского языка возрос не только в Москве, но и за ее пределами. В Томском государственном университете на кафедре лингвистики пятеро студентов изучали чеченский язык. Среди них был Терехов Иван Михайлович. Он в 1984 году после выпуска получил распределение на работу в Грозный. В Грозном Терехов работал школьным учителем. Далее, в 2004 году в Москве был издан самоучитель чеченского языка, а в 2005 – чеченско-русский и русско-чеченский словари. И это несмотря на военные действия! Автором их был Алироев Ибрагим Юнусович. Именно он стал одним из инициаторов данного проекта, входящего в общую программу государства, направленную на стабилизацию ситуации на Кавказе. И сохранению, и изучению чеченского языка здесь уделялось немало внимания.

Я начал самостоятельно изучать язык, решив, что это может мне пригодиться. Впоследствии это помогло мне открыть для себя особенный вид литературы на чеченском языке. Окончание мной института в 2008 году совпало с очень важным событием – грянул очередной мировой финансовый кризис, и в нашей стране все это обрело самые уродливые формы. Мне пришлось столкнуться с еще одной проблемой, характерной приметой времени – безработицей. Собственно, в моей профессии она в скрытой форме существовала всегда. И в советские времена найти работу в области культуры без так называемого блата было просто невозможно, существовали целые институты, которые называли «институтами вдов и сирот», поскольку там работали только родственники «великих», но тогда в СССР существовала и система распределения молодых специалистов. Так, например, мои родители приехали в свое время в Красно-

ярк «превращать Сибирь в край высокой культуры», получили подъемные, квартиру и хорошее место работы по специальности. Более того, помимо трудоустройства по пресловутому знакомству, в условиях дикого рыночного капитализма трудоустройство стало одним из элементов рыночной экономики. За все нужно платить, и за трудоустройство тоже.

Побегав по многочисленным питерским музеям и получив везде отказ, я попытался сам для себя создать работу. Я не смог предъявить рекомендации «выдающихся педагогов», в моей биографии не было родственников, связанных с Эрмитажем, или влиятельных людей, и я сам стал организовывать свое жизненное пространство. Да, мне не суждено было работать в отделе исламского искусства Эрмитажа, Музее истории религии, Музее этнографии и Кунсткамере. Надеяться на это было бессмысленно, но в годы обучения в институте я получил неплохие знания, написал диплом о турецкой архитектуре, изучил турецкий язык и культуру, прочитал много книг, и мне хотелось развить и изучать эту тему дальше.

Глава вторая. Знакомство. Первые публикации

И я начал писать о том, что мне было интересно. Продолжая расширять свои познания о культуре народов Кавказа и Чеченской Республики, я узнал, что в Петербурге можно найти много интересного по этим фактам. Но все это нужно было где-то опубликовать. Я начал искать контакты с чеченским национально-культурным объединением, которое существует в нашем городе. Узнал, что оно сформировано в 1993 году. Тогда руководителем был Саид Дени Тепс, который занимался в годы первой чеченской военной кампании помощью беженцам, которые, спасаясь от войны, селились в нашем городе.

Чтобы поддерживать их связь с родными местами и обычаями, в 90-е годы проводились мероприятия, посвященные дням чеченской культуры. Потом президентом чеченской диаспоры стал известный петербургский ученый Абдулла Хамидович Даудов, который делал очень много для борьбы с античеченской пропагандой. Абдулла Даудов живет в нашем городе с 1973 года, когда он поступил в Ленинградский университет, затем остался работать в этом учреждении, и сейчас он является одним из ведущих его ученых. Он за свою многолетнюю деятельность написал достаточно много научных трудов и немало сделал для сохранения русско-чеченской дружбы в нашем городе. После него этот пост занимал Умиев Алхазур Исраилович, с которым я познакомился в 2008 году. Он доктор юридических наук, адвокат по специальности. Родился в 1955 году в Караганде Казахской ССР, когда его семья отбывала ссылку.

Он до войны жил в Грозном и там же получил юридическое образование. В свое время он являлся членом Всероссийской коллегии адвокатов. Он на протяжении последних лет принимал участие в организации многих культурных проектов. Но особую роль в помощи проведения культурных мероприятий сыграл один из его помощников Багаев Заинди Шамсутдинович. Заинди Багаев в 1977 году приехал из Грозного, чтобы получить профессию экономиста, и остался жить в Ленинграде. Он помогал чеченским художникам, которые живут в нашем городе, устраивать выставки и занимался благотворительностью, помогая бедным. Вот с такими интересными людьми меня сводила судьба. Встретившись с Алхазуром Исраиловичем, я получил много полезной информации. Он многое мне рассказывал, какая в его время молодости в Чечено-Ингушетии была жизнь.

После встречи началось сотрудничество с чеченской диаспорой. Поскольку времени свободного появилось больше, я стал использовать его для занятий в Российской национальной библиотеке в отделе национальных литератур народов бывшего СССР, открыв для себя книги, опубликованные на чеченском языке в довоенное советское время, очень интересных авторов, писавших на чеченском языке: Хож-Ахмеда Берсанова, Магомета Амаевича Мамакаева, Мусы Ахмадова, Асет Батукаевой. Постепенно стал делать переводы на русский стихов и прозы. Впоследствии, сделав ксерокопии с этих изданий, оказал посильную помощь библиотеке Академии наук Чеченской Республики, в которой данные издания оказались попросту утрачены.

По просьбе сотрудников Академии я собирал информацию о тех чеченских изданиях, что были написаны еще на арабском языке и хранятся в Институте востоковедения. Современные журналы, изданные в Грозном уже в наши дни, там же были и нужные мне телефоны. Позвонил в Чечню и вышел на контакты с Духовным управлением мусульман по Чеченской Республике, которое мне помогало связаться с министерством печати и министерством культуры, а последнее – соединиться с местной республиканской газетой, с которой я сотрудничал почти год, сначала в качестве внештатного корреспондента. Благодаря этому я познакомился с интересными людьми, о которых писал статьи. И главное, я смог заниматься тем, что было мне близко и интересно – я писал о культуре и о людях, работавших в очень интересной художественной традиции, соединив в своем творчестве и этническую кавказскую, исламскую

и русскую, поскольку за плечами у каждого из них была великолепная ленинградская художественная школа.

Вот что из этого получилось.

Еще будучи студентом, на одной из выставок я обратил внимание на одну яркую интересную работу. В хмурый петербургский день словно ворвался яркий луч солнца, оживив его свежими красками. Автор оказался преподавателем того же вуза, где я учился. Это Саид-Хусейн Элемсултанович Бицираев, заслуженный художник Чеченской Республики, профессор Санкт-Петербургской художественной академии имени А. Л. Штиглица, один из ведущих преподавателей кафедры общей живописи, действительный член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г. Р. Державина. Более подробное знакомство с его творчеством открыло для меня особый мир. Саид Султанович Бицираев родился в 1954 году в Киргизии, где его родители жили на спецпоселении после депортации 1944 года. Это было тяжелое время для его семьи. В 1957 году, когда Саиду было всего три года, семья смогла вернуться в родную Чечню. Ее природа, сочные южные краски будили воображение будущего художника, который с детских лет проявил способности к рисованию. В 1969 году он поступает в Краснодарское художественное училище на отделение декоративно-прикладного искусства, которое заканчивает в 1973 году. Через год Саид Бицираев переезжает в Ленинград и готовится к поступлению в Институт имени Репина, как тогда называлась Академия художеств. Его успехи были очевидны, и в 1975 году он уже студент. В студенческие годы Саид Султанович много работает, осваивая примеры академической школы Ленинграда. Среди его любимых педагогов – Юрий Михайлович Непринцев, величайший русский реалист второй половины XX века, прививший художнику любовь и к совершенному рисунку, и к идеально продуманным композициям. Но Саид Бицираев – один из тех мастеров в нашей стране, кто, в совершенстве овладев основами академической школы, сохраняет верность своей индивидуальности, развивая национальные художественные традиции, что сказывается как на содержании, так и в особом пластическом языке работ. Многие его картины посвящены истории национальной культуры. В картинах преобладают яркие, порой контрастные цветовые сочетания. Фигуры людей, элементы пейзажа становятся орнаментальными символами, навеявая воспоминания о народном творчестве. И все это в соответствии с замыслом художника, согласно которому в его творчестве появляются и реалистически написанные портреты, и кубически изломанные напряженные композиции на военные темы, и воздушные горные пейзажи. Перерабатывая все, он создает свой неповторимый художественный язык. Через все творчество Саида Султановича проходит одна из главных тем: судьба чеченского народа, его жизнь, его история. В моей статье мне бы хотелось рассказать о нескольких его работах, посвященных этой теме. Первая написана в 1989 году. Это довольно большое монументальное полотно (150 x 165), выполненное в технике масляной живописи, называется «Старики (Разговор)». Художник пишет теплый день, дерево у деревянного дома, в тени которого на скамье расположились старейшины, чтобы послушать радиоприемник. Идет живое обсуждение новостей. Мы все еще хорошо помним это время, когда, казалось, вся страна жила не отрываясь от телевизоров и радиоприемников, горячо обсуждая новости перестройки. И эти пожилые люди с вниманием слушают приемник, пытаясь предугадать то, что принесут им эти перемены. Чувствуется, что автор с большой симпатией относится к своим героям, осеняя их группу ветвями дерева и освещая яркими пятнами солнечного света. Эта картина еще тесно связана с академическими традициями, но сочный колорит и яркий свет могли возникнуть только в тех условиях, в каких рос художник и жили герои его работы. В картине нет ярких контрастов. Вся она: и своей композицией, живописной техникой и колоритом – является олицетворением вечного мира. Картина написана в довоенную эпоху, когда казалось, что этот мир будет вечным. Вместе со всей страной и своим народом художник пережил обе чеченские кампании как величайшую траге-

дию. Война затронула весь чеченский народ и тех, кто не жил в это время в Чечне. Саид Бицираев вместе с соотечественниками разделяет горе, которое потрясло его Родину. В его творчестве много работ, посвященных этой теме. Мне бы хотелось остановиться на двух из них. Одна из них называется «Грозный». Художник написал ее в 1995 году. Здесь Саид Бицираев показывает разрушенный город, руины домов, клубы дыма, силуэты людей, чудом уцелевших в этом кошмаре, и на переднем плане – мертвая женщина в платке. Боль и трагедия здесь не просто описаны – они кричат с картины изломанными косыми линиями, контрастными пятнами цвета, вспышками алой крови и пламени пожара. В этой работе многое от конкретного репортажа с места события: все правдиво и реалистично и в то же время обобщенно. Глядя на эту картину, понимаешь, что это не просто трагедия одного города, но это общая боль. Это как «Герника» у Пикассо, где конкретная трагедия стала символом войны. Еще одна картина, посвященная военной тематике, – работа «Война!» 1996 года. Она выполнена темперной краской, обладающей декоративной насыщенностью. И здесь Саид Бицираев делает акцент на цвет. Используя синий, желтый и алый, художник пишет пронзительный в своей простоте сюжет: мы видим девочку, которая выглядывает из приоткрытых ворот. Но ее дом разрушен. Автор пишет синим цветом его зловещий остов. Этот цвет как отражение ночи, когда, возможно, погибли все близкие этого ребенка. А мирная деталь – ворота, они обагрены кровью. В образе девочки нет конкретики. Это символ тех детей, что остались сиротами. Но это и символ всех детских страданий в любой войне. Еще одна картина, которая привлекла мое внимание в творчестве Саида Султановича Бицираева, это работа «Одинокая башня», написанная в 2004 году. Здесь нет прямых ассоциаций с военными событиями или с конкретным этапом в истории. Но это очень глубокое философское произведение. Знаменитые чеченские башни, являющиеся частью мирового культурного наследия, художник писал неоднократно. На Северном Кавказе эти сооружения служили сторожевыми и наблюдательными пунктами, откуда воин мог увидеть неприятелей, а их ансамбль – своего рода крепостью. Но сторожевые башни еще и символ рода, являющийся собственностью семьи. В картинах художника Бицираева они символизируют воинственных мужчин. Очень часто на их фоне он пишет воинов на конях. Здесь же изображена одинокая башня, стоящая среди гор. Эта картина одна из самых необычных, в живописном плане, работ художника. Яркие большие плоскости контрастных цветов сменяются мягкими цветовыми переходами. Саид Султанович детально прорисовывает каждый сантиметр бескрайнего горного пейзажа, где ритмически сменяют друг друга освещенные солнцем вершины. Холодные синие и зеленые цвета сочетаются с золотистыми и розовыми, создавая атмосферу раннего утра. В этой тонкой по цветовым переходам и подборной живописи отражено настроение художника. Мазок за мазком, он пишет свою картину, осмысливая изображенное. В центре композиции – одинокая чеченская башня. Как могучий богатырь, возвышается она над окружающим пространством. Но здесь не все так однозначно. Художник показывает башню как чудом уцелевший пример национальной чеченской культуры. И она становится ее символом. Саид Султанович явно пишет место, где прошли боевые действия. В правой части внизу – пробоина. Ее положение неустойчиво. Характерно, что эта часть погружена в тень. А вот там, где стена башни целая, там сияет яркий солнечный свет, вселяя нам надежду на возрождение этого края и сохранение этих древних башен и древней культуры чеченского народа. Саид Султанович Бицираев живет и работает в Санкт-Петербурге. В настоящее время он, с одной стороны, интереснейший художник нашего города, с другой, один из тех, кто сохраняет и развивает традиции национальной чеченской культуры в столь не простое для этого народа время. Без его творчества картина художественной жизни Петербурга была бы не полной. Его полотна можно увидеть в выставочных залах Москвы и Западной Европы. Саид Бицираев открыт миру, много путешествует. Среди его полотен можно увидеть пейзажи и людей Греции, Испании, Китая. Но каждый раз понятно, что их писал художник

с яркой индивидуальностью, отражающей мироощущение своего народа, его традиции. (Статья опубликована в газете «Вести республики».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.